

Иван БАХТИН

ЛЮБОВША

Часть четвертая. На Волховском фронте

НАША «НИТКА»

Шел февраль 1943 года. В составе Волховского фронта наш 1097-й пушечно-артиллерийский полк бросали с одного участка на другой в зависимости от боевой обстановки, он входил в состав Резерва Главного Командования (РГК).

Мы стояли у Синявино, недалеко от Ленинграда. Наше отделение связи обеспечивало связь наблюдательного пункта с огневой позицией батареи. НП находился вблизи передовой, а огневая — в тылу, за несколько километров. На НП нас, связистов, обычно было трое. В тот раз со мной дежурили Хамидуллин и Нигматуллин. Их многие, особенно наши офицеры, часто пугали, хотя Хамидуллин был русым, а Нигматуллин — черным. Со стороны передовой мы трое «берегли» нашу нитку, а со стороны огневой — Серов Максим, Алтынбеков и Фаттахов Наизий.

В ту ночь нам не пришлось вздремнуть. Фрицы что-то задумали, они проявляли повышенную активность. Беспрерывная пулеметная стрельба транслирующими пулями — в туманном небе особенно четко видны светящиеся линии полета пуль. Поступил приказ — усилить наблюдение за той стороной, обо всем подозрительном немедленно докладывать командиру дивизии.

Временами осветительные ракеты так ярко освещали передний край, что думалось — неужели мы заметны для немцев? Порой даже туман не мешал освещать нашу передовую. Справа беспрерывно били несколько орудий и снаряды рвались где-то в наших тылах, одни — ближе, иные совсем недалеко. Сразу срабатывала мысль: хотя бы не задело нашу нитку связи. Но, видимо, наша связь не могла быть обойдена военной «судьбой» — ей «положено» быть перебитой, порванной. И не обмыслили наши желания — «нитка» рвалась более десяти раз.

Порывов больше было с нашей стороны. Сидим и слушаем: выстрел, полет снаряда, специфический с воющим звуком взрыв. Нажимаем зуммер телефонного аппарата — «Ястреб» (позывной огневой позиции), молчание. Снова зуммер нажимаем — опять молчание. Хамидуллин и Нигматуллин смотрят на меня, что мол, делать. Я — снова на зуммер, опять молчание. Кивая головой на выход из блиндажа — и они, взяв телефонный аппарат, автоматы и катушку провода, уходят в ночь.

Приходили ребята по колено мокрые, усталые. Хорошо, что мы все время поддерживали огонек в печурке: я, дежуривший у телефона, командир взвода Кармозин А. или кто-то из разведчиков, свободных от дежурства на ёлке, где был наш НП.

РАБОТА

Чтобы как-то облегчить ребят от работы на линии, дать им отдохнуть и получше обсохнуть, приходилось и мне самому выходить на исправление нитки.

Трудно! Вроде бы тяжесть небольшая: автомат с круглым диском, телефонный аппарат (размером чуть больше обыкновенной телефонной трубки), катушка с про-

водом, и... скорый шаг, а где и бегом — связи нет, а в любой момент может быть дана команда «Буря» — открыть огонь. Ночь, снег, местами воронки, видимые — чернеющие, и невидимые, занесенные снегом. Во всех случаях — под снегом болото, хотя и проходимое, мелкое. Опасность возможная — попасть в глубокую от бомбы или тяжелого снаряда воронку. Ответ от осветительных ракет помогал ориентироваться в лесу и находить «нитку». Помогали и оставленные, при наведении связи, приметы на деревьях, кустарниках, «помогали» и воронки, где еще пахло терпким запахом тротила от взорвавшегося снаряда. Линия связи тогда была однопроводная, а вторым «проводом» было заземление, в землю втыкали шомпол от винтовки. Соединив, звали «Чайку» (наш позывной), или «Ястреба». Бежишь по линии связи несколько позволяют тропинка, кусты и воронки. Если концы провода разбросаны, то искали по приметам второй конец. Хорошо, что имелись трофейные немецкие карманные фонарики: обыкновенный — синий и красный цвет стекол. Они тоже выручали.

И вот, то они двое, то я с кем-нибудь из них, за эту ночь справили, как я уж выше отмечал, десять, или двенадцать порывов... Всю ночь: зуммер, снова зуммер, вызов «Ястреба», уход в ночь на исправление порыва, приход в блиндаж, забитье, дремотное состояние, страшная усталость. Ноют полумокрые ноги, спина — сначала потная, потом холодная, брюки ватные на колени — хоть выжимай... А фашисты справа «обрабатывают» наш передний край: там непрерывный гул почти более часа. С нашей стороны тоже контрбатарейная стрельба, но реже. Транслирующие пули рассекают ночную мглу во всех направлениях...

Да, тяжёлый солдатский труд: физическое и моральное напряжение и до боя, до обстрела, когда готовятся места для НП, для укрытия, и в период боев особенно. О страхе, о том, что на землянку или блиндаж упадет немецкий снаряд или мина — об этом и не мыслили. Главная, тяжёлая дума — задача, как бы не перебили «нитку», как бы не задело ребят на линии, хватило бы кабеля на случай порыва связи, подольше бы жила наша «нитка»... И так — всю ночь.

Разведчик Митя Панченко сидел наверху, на ёлке. Регулярно, спокойным голосом он докладывал Кармозину ориентиры, откуда «работали» немецкие батареи. Он засекал их стереотрубой. К утру артиллерийская стрельба стихла, но пулеметная стрельба еще изредка продолжалась. Мелькнула мысль — сколько же за одну ночь «на ветер» выброшено металла? А за полтора года войны?

Наутро стало известно, что справа от нас немцы предприняли разведку боем. Потери были серьезные с обеих сторон: их — от ответного нашего огня по ориентирам, пристреленным заранее, а наши — от их артподготовки по передовой и второй траншеям.

СЛУЧАИ

Снова порвалась «нитка». Решил пойти я сам, чтобы в дороге согреться. Было уже светло. Если ночью только слышишь артострел, то в

светлое время особенно больно смотреть на грешную землю, многострадальную нашу землю, на которой рвутся снаряды и бомбы обеих сторон, нанося ей ущерб, не говоря о том, во что превращается то, что сделано руками людей....

«Деревянная дорожка» из тыла к передовой во многих местах разворочена взрывами снарядов. Наша линия связи, «нитка», — в стороне от дороги, местами отброшена, но цела. Пройдя километра два я увидел — недалеко от дороги зияет наполненная водой свежая фугасная воронка. «Нитки» не видно. Пришлось метров пятьсот возвращаться назад — искать «нитку», сойти с «дорожки». Снег неглубокий, под ним упругий наст болотной травы: видимо, еще не успела оттаять, и вполне удерживала груз человека. По ходу движения конец «нитки» я нашел сравнительно быстро, а вот второй конец за воронкой пришлось искать долго. Как на грех — в этом месте мы не сделали обычного закрепления провода за местные предметы — пни, редкий кустарник. Поэтому ее фугасным взрывом и отбросило в сторону. Найдя конец, пришлось вставлять около ста метров провода.

Соединить, заизолировать — срочное — дело минутное, привычное. Не успел закурить, как услышал не очень далекий выстрел с той стороны. Видимо, фашист не прекратил бить «по площади». По звуку мы знали, какой калибр бьет, когда перелет, когда снаряд приближается. Едва успел пробежать несколько шагов в сторону передовой, как с ужасным визгом, леденящим душу, проскрежетал 105-мм снаряд и шлепнулся сзади меня. Но упал не так, как всегда, а как-то глухо. Я рухнул в снег. Затаившись, жду взрыва... Считаю — раз, два, три... Напряглись нервы, холодок прошел меж лопаток, бросило в жар, сердце так заколотилось, что того гляди выскочит из груди... Досчитал до двадцати... До тридцати... Мелькнула мысль: а вдруг снаряд с фокусом — замедленный взрыватель! Лежу и жду — взрыва нет. Потом перебежал к большому пню, спрятался за него...

Но взрыва так и не произошло: снаряд угодил в топкое болото, а может, взрыватель не сработал. Так прошло минут десять. Я прислонился спиной к пню, еще помедлил немного, и любопытство взяло верх — решил посмотреть, далеко ли упал снаряд. Прошагал метров пять от того места, где упал в снег, и на не тронутым снегу обнаружил приметную дырку с едва заметными обтаявшими краями. Снова неприятный холодок прошел вдоль лопаток! Совсем рядом! Повернувшись, пошел на НП.

Здесь все было по-прежнему: каждый был занят своим делом. Лишь Кармозин, лежа на топчане, спросил у меня: «Ну как, Иван, что там стряслось, последний далеко от тебя разорвался?». Видимо, по опыту фронтового определил, что снаряды рвались недалеко от нашей линии связи.

В землянке было относительно тепло, да и на улице было всего несколько градусов ниже нуля. Нигматуллин Файзулла топил «печку» — сжигал в ведре без дна палочки артиллерийского пороха. Сняв сырые портянки, я навернул сухие и, не докурив сигарку, сразу уснул сидя.

«Уважение к минувшему — вот черта, отличающая образованность от дикости»

А.С.Пушкин

Но ребята положили меня на топчан, как потом рассказали.

«ПОБЫВАЛ» ДОМА

Снится мне сон. Мы с ребятами играем в городки: я, Ванька Захаров («Захаров» — по-уличному, так как в нашем переулке — «чаёвном», почти все дворы — Бахтины), Пашка Селькин, Лёшка Белобоков, Колька Антипов, Колька Волков, Леня Анохин и другие. Играли у нашего дома. Под окном на большом тесаном камне сидел мой дедушка с соседями. (Этот камень дедушка еще в молодости приготовил для надгробия на свою будущую могилу).

Согласно течению игры на кон (квадрат) была поставлена очередная фигура: «лежащее письмо». На все углы четырехугольника клапось по городку, а пятый — посредине. Задача играющих — «распечатать» письмо, т.е. битой выбить средний, пятый: тогда уже можно выбивать остальные. Так вот, настала моя очередь распечатать письмо: я швырнул биту и попал по ногам дедушки. Он встал и направился в мою сторону. Я подумал, что сейчас мне «достанется на орехи» и убежал за погреб. Но дедушка попросил у ребят потяжелее биту и позвал меня поглядеть, как надо «распечатывать» письмо с первого удара. По его голосу и взгляду, при поддержке соседских мужиков, я вернулся. Дедушка стоял у кона с битой. Вытянув правую руку, как бы целясь, он швырнул биту. И, к нашему изумлению, средний городок — «марка» вместе с битой улетел далеко к изгороди, к акации. Он сказал: «Учитесь у стариков глазомера в пустяках».

Потом, собрав нас в одно место, сказал, что возле дома играть нельзя, так как битой можно разбить окна и посоветовал сойти на дорогу. Что мы и сделали. И пока играли в городки, когда подходила очередь «распечатывать» письмо, ребята поглядывали в сторону нашего дома, где уже не сидели мужики...

Разбудил меня Хамидуллин Мимнобай («Хамыш» — мы его звали меж собою), так как пришел комбат Алексеев, старший лейтенант. В нашу землянку он не пошел, а стоял с Кармозиным у землянки разведчиков и радистов. Речь шла о перемене места дислокации (в который раз!). И нам — снова сматывать «нитку», снова марш-бросок на новое место.

И спал я чуть больше двух часов.

СНОВА МАРШ-БРОСОК

Снова шествие по деревянной дороге, приглушенный говор, гул тракторов, везущих пушки и прицепы со снарядами, а на них — наш военный, скарб: катушки с кабелем, волокуши для катушек, вещмешки, патроны в ящиках, щиты из снаряженных ящиков для укрепления землянок или снежных ям, где мы кортались ночи.

В середине колонны к трактору с пушкой прицеплены сани (низ обит железом), на них — будка, в которой горела крохотная железная печурка. Ее постоянно топил пожилой солдат А. Назаров. Эта будка на случай, когда кто-либо из славян (так мы звали друг друга) попадал с деревянной дороги в болото под снегом.

Дело в том, что передислокация наших батарей проходила, как правило, в темное время суток, ночью. На тормозные колонки пушек, задние борты прицепов навешивали вещмешки, скатки телефонного провода, проволоки. Вот за них и держась, мы спали на ходу. И больший шинство шло и за первыми, также держась за них (за ремни, хлястики фуфаяк) и... тоже спали на ходу. Но не всем «везло» — были и такие, которые шли, ни за что не держась, и спали. Невероятно, но факт! Усталость была настолько велика, что одолевала живую душу! Люди спали на ходу, идя в общем потоке. Так вот эти и попадали, сбиваясь вправо (постоянно вправо) в болото, намкали и мгновенно просыпались. Им помогали немедленно, вытаскивали и бегом тащили в будку на санях, где переодевали, обсушивали. А пока шла эта процедура, потерпевший успевал покемарить, поблаженствовать в тепле. Мне не приходилось быть в числе потерпевших, или счастливых.

На этот раз заснул и попал в болото наводчик Саша Федоров. Был он коренастый, круглолицый, не унывающий ни при каких обстоятельствах. На сей раз виновато, широко улыбался, стоял с мокрыми ногами, рукавами фуфайки, на плече — снег, со ствола автомата понемногу стекала и мерзла вода... Морозец был небольшой — градусов десять.

А вот разведчик Павел Сморгж в походе никогда не шел за проволокой. В любой мороз он сидел на прицепе со снарядами, выдерживал по четыре-пять часов. И на ёлке НП больше его никто не мог находиться. Удивительный организм! А ростом они были одинаковы и комплекцией: Федоров и Сморгж.

ПОПИЛИ «ЧАЙКУ».

В дороге приходилось долго ждать на боковых объездах: шли встречные колонны, техники, лошади. Дорога с движением в одну сторону. Просека неширокая, извилистая, кругом снег, снег и на деревьях. Ни одной живой лесной души! Проехали несколько мертвых деревьев, без жителей.

В одной из деревень, стоящих на бугре, в снегу застряли две грузовые машины. Подошел капитан, видимо, начальник колонны, попросил помочь — «толкнуть трошки». Пока одни толкали «раз-два вдоль идем», «раз-два хлеб берем», другие пронохали, что на машинах ящики с кусковым маслом. Ну и набрали почти полные противотазы — сумки, радовались: к утреннему привалу будем пить чай с маслом.

За ночь прошли довольно много. С рассветом, когда хорошо просветлело, разрешили привал. К этому времени повара успели приготовить овсянку с американской тушенкой. Поев, собрались пить чай. Достали «масло», Каково же было изумление наше, когда в четырехсотграммовых кусках обнаружили с концов по дырке. Это была взрывчатка — тол. Он цвет имел тоже желтоватый, под цвет масла.

Колкостей в адрес тех, кто первым обнаружил это «масло» ночью на машинах, было предостаточно.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ